

УДК 820 «19/20»
ББК 83.3 (4Вел.) 5

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-35-43

ПОЭМА М. АРНОЛЬДА «СОХРАБ И РУСТАМ»: ГЕРОИ ФИРДОУСИ В КОНТЕКСТЕ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Н. И. Соколова

Аннотация. В статье анализируется поэма М. Арнольда «Сохраб и Рустам», сюжет которой основан на одной из частей эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Период Виктории отмечен поиском героев – сильных личностей, которые приведут нацию к возрождению и спасут человечество от «духовного паралича» (по выражению Т. Карлейля) как болезни века. Подобно многим современникам, Арнольд пытался найти таких героев в средневековом прошлом. Опуская ряд эпизодов восточного текста, Арнольд концентрирует внимание на встрече Рустама и его сына, родившегося в отсутствие отца и оказавшегося с ним во враждующих лагерях во время войны. Как и в поэме Фирдоуси, Сохраб у Арнольда считает, что ему было предназначено роком погибнуть от руки отца. Но, помимо рока, виной трагедии оказывается отсутствие доверия, внутреннего единства между отцом и сыном, проблема одиночества личности в обществе – одна из ведущих в поэзии Арнольда. Гибель Сохраба ведет к духовному преображению Рустама и вместе с тем к прекращению войны в целом. В отличие от Карлейля, Арнольд не считает появление героя средством возрождения нации. Оно возможно лишь путем преодоления всеобщей враждебности и изоляции. Таким образом, сюжет средневекового восточного поэта в интерпретации Арнольда оказался созвучным викторианской эпохе.

Ключевые слова: поэма, восточный эпос, герой, одиночество, судьба.

Для цитирования: Соколова Н. И. Поэма М. Арнольда «Сохраб и Рустам»: герои Фирдоуси в контексте викторианской эпохи // Наука и школа. 2023. № 4. С. 35–43. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-35-43.

© Соколова Н. И., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M. ARNOLD'S POEM "SOHRAB AND RUSTUM":
FIRDOUSI'S HEROES IN THE VICTORIAN EPOCH CONTEXT

N. I. Sokolova

Abstract. *The article presents the analysis of M. Arnold's poem "Sohrab and Rustum", the plot of which is based on Firdousi's epic poem "Shakhname". The Victorian period was marked with the search for heroes – strong personalities who would lead the nation to its revival and save mankind from the "spiritual paralysis" (in T. Carlyle's expression) as the disease of the age. Like many of his contemporaries Arnold tried to find such heroes in the Medieval past. Arnold leaves out several episodes of the Eastern text and concentrates his attention on the meeting of Rustum and his son who was born in his father's absence and appeared to belong to the hostile camp during the war. As in Firdousi's poem Arnold's Sohrab supposes that he was doomed to be killed by his father. But besides destiny the guilt of the tragedy lies in the lack of trust and inner unity between father and son, upon a person's isolation in society – one of the predominant themes of Arnold's poetry. Sohrab's death leads to Rustum's spiritual transformation and to the end of the war on the whole. Contrary to Carlyle, Arnold doesn't consider the appearance of a hero as a means of the nation's revival. It is possible only by way of overcoming total hostility and isolation at large. So, the plot of the Medieval Eastern poet in Arnold's interpretation appeared to be consonant with the Victorian epoch.*

Keywords: *poem, Eastern epic poem, hero, isolation, destiny.*

Cite as: Sokolova N. I. M. Arnold's poem "Sohrab and Rustum": Firdousi's heroes in the Victorian epoch context. *Nauka i shkola.* 2023, No. 4, pp. 35–43. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-4-35-43.

Подобно многим викторианским писателям и поэтам, Арнольд обращался к интерпретации произведений прошлого в поисках осмысления проблем своей эпохи. Находя «поэтическое обаяние и живительную силу» [1, р. 127] в Средних веках, поэт использовал сюжеты далекой эпохи, причем, не только из национальной литературы («Тристрам и Изольда», «Святой Брендан», «Покинутый водяной», «Больной король в Бухаре»). В предисловии ко второму изданию стихотворений (1853) Арнольд обнаруживал источник их неувядающего интереса в героях. «Нас привлекает тот или иной персонаж, мы способны вообразить его вне зависимости от его времени исключительно в соответствии с законом личной симпатии; и то, что нам нравится

больше всего, мы надеемся успешно представить», – писал он в предисловии ко второму изданию сборника стихотворений (1854) [2, р. 16–17]. По уверению Арнольда, рассказы о «великих деяниях» заключают в себе «бессмертную силу»; и самый одаренный поэт будет рад восполнить ею «ту смертную слабость, которую он всегда должен ощущать в себе самом, будучи участником грандиозного представления жизни и мира» [2, р. 17]. Это звучало актуально в контексте викторианской эпохи, отмеченной поисками героев, сильных личностей, которые, преодолев «духовный паралич», "Spiritual Paralysis" [3, р. 156], ставший, по словам Т. Карлейля, характерной чертой века, подверженного утилитаризму и скепсису, смогут привести нацию к возрождению.

Таких героев Арнольд создает в поэме «Сохраб и Рустам» (1853). Источником произведения стала рецензия Ш. О. Сент-Бёва на выполненный Мо-лем (Mohl) перевод восточного текста, содержащая подробный пересказ поэмы с обширными цитатами. Уже первые критики обратили внимание на сходство поэмы Арнольда с французским текстом. В рецензии в “*Christian Remembrance*” (1854) Дж.Д. Колридж находил, что «некоторые фрагменты версии месье Моля, цитируемые Сент-Бёвом, просто переведены, и переведены очень близко к тексту, мистером Арнольдом» [4, р. 107], приводя в подтверждение своих слов ряд примеров и упрекая Арнольда в отсутствии «малейших попыток благодарности автору, у которого очень многое заимствовал» [4, р. 107]. Арнольд, воспринявший эти слова как обвинение в плагиате, возразил рецензенту, что любой, кто попытается воспроизвести или воссоздать по-своему «великий рассказ», не сможет «взять все детали из собственной головы» [4, р. 127]. Арнольд выражал сожаление по поводу отсутствия подстрочника, «поскольку в поэтическом переводе любой оригинал в дальнейшем оказывается неизвестным» [4, р. 128]. Поэт при этом доказывал, что «следование традиции, прежде всего, придает произведению *naïveté*, оттенок правдоподобия и достоверности, что составляет самую суть поэзии» [4, р. 128].

Арнольд не случайно настаивал на оригинальности своего произведения. «Рустам и Сухраб» – сочинение персидско-таджикского поэта Абулькасима Фирдоуси, являющееся частью его эпопеи «Шахнаме» (XI в.). Главным героем поэмы, как и всей эпопеи Фирдоуси, является персидский полководец Рустам, представленный непобедимым воином, отличающийся исполинскими размерами (его постоянный эпитет «слоновотелый» [5, с. 189]) и могучей

силой. Потеряв коня Рахша, он находит приют во дворце Самангана, туранского шаха, где вступает в брачный союз с его дочерью Тахминой, причем причиной возникновения его любви становится не только красота царевны, но и ее обещание найти Рахша. На следующий день после свадьбы Рустам верхом на вновь обретенном Рахше отправляется в путь. Сухраб, появившийся на свет в отсутствие отца, вырастает таким же могучим исполином, как Рустам. В девять лет он испытывает трудности с поисками подходящего коня: у каждого коня, которому он кладет руку на спину, ломается хребет, пока, наконец, ему не приводят потомка Рахша, который один может выдержать могучего героя. В тринадцатилетнем возрасте Сухраб уже приобретает славу доблестного воина, но отец и сын оказываются во враждующих лагерях: Сухраб сражается на стороне татар против персов. Рустам знает о существовании сына. Получив об этом известие, он посылает Тахмине богатые дары, в том числе три драгоценных лаала, один из которых Тахмина вручает Сухрабу перед расставанием, чтобы он показал его отцу при встрече, и таким образом Рустам узнает сына. При этом мать просит Сухраба скрывать от всех тайну его рождения, опасаясь, что, узнав ее, его погубит царь Афрасиаб – враг Рустама. Сухраб, однако, не соглашается с ней, утверждая, что нельзя скрывать истину, что, напротив, ему следует гордиться тем, что Рустам его отец. Позицию Сухраба А. М. Атоев объясняет тем, что герой «говорит как настоящий зороастриец», для которого «главное есть правда и ее нельзя скрывать, так как ложь ведет к несправедному пути» [6, с. 40]. Для Фирдоуси, по словам ученого, «правда всегда лучше, чем ее сокрытие, так как зло всегда раньше узнает о правде» [6, с. 40]. Рустам даже не подозревает, что Сухраб может участвовать в сражении, полагая, что «он

молод, он еще дитя» [5, с. 168]. Коварному шаху известна тайна рождения Сухраба, но он скрывает ее, опасаясь, что, объединившись, отец и сын захватят его трон. События разворачиваются таким образом, что Рустам и Сухраб вступают в поединок, который должен решить исход войны. Фирдоуси описывает три сражения героев, последнее из которых завершается гибелью Сухраба. Умирая, Сухраб показывает Рустаму лал и печать на руке, по которым Рустам узнает, что стал убийцей собственного сына. Сухраб может быть возвращен к жизни с помощью эликсира, которым владеет шах Кавус, но шах отвечает отказом на просьбу Рустама, навсегда лишаящегося сына.

В названии поэмы Фирдоуси на первом месте оказывается Рустам. Из довольно значительного по объему текста Арнольд выбирает лишь один эпизод (“An Episode” – подзаголовок поэмы), поставив в названии на первое место сына Рустама (в английском варианте Сохраба, *Sohrab*), причем, по первоначальному замыслу, поэма должна была называться «Смерть Сохраба» [7, р. 214]. Арнольд отказывается от любовной темы, исключая эпизод встречи Рустама с Тахминой и вовсе не упоминая о любви Сухраба к Гурдафарид, девушке-воину из вражеского стана. Три поединка героев сводятся к одному. Герои предстают мужественными воинами, обладающими мощной силой, но они лишаются сверхъестественных исполинских способностей, в большей мере свойственных средневековому эпосу, чем произведениям XIX в. Арнольд опускает и упоминание об эликсире, с помощью которого можно вернуть к жизни умершего. Неведение Рустама в отношении того, что он сражается с собственным сыном, приобретает более правдоподобный оттенок: в отличие от героя Фирдоуси, Рустам Арнольда уверен, что у него родилась дочь.

Об этом он получает известие от жены, намеренно утаившей правду из страха, что Рустам заберет у нее сына, чтобы научить его владеть оружием [2, р. 212]. Таким образом, у героини Арнольда оказывается иной мотив, чем в восточном эпосе. Рустам Арнольда, не сомневаясь в словах жены, недоволен рождением у него «слабой беспомощной девочки» (“one slight helpless girl”), а не сына – славного храброго сына, которого он мог бы отправить на войну (“a son, so fam’ed, so brave to send to war”) [2, р. 203]; сам он, утратив с возрастом былую силу, смог бы тогда остаться дома с отцом – белокурый Залем. Не раз в поэме он говорит, что хотел бы иметь такого сына, как Сохраб.

Д. Куллер обращает внимание на сходство восточной поэмы Арнольда с «Эмпедоклом на Этне». «Очевидно, – пишет исследователь, – что Рустам – седеющий воин, суровый, раздражительный, надменный – милитаристская версия Эмпедокла и что Сохраб, непосредственный, в блеске юности, близок к Калликлесу» [7, р. 208]. Это верно, если говорить о контрастном характере образов, но утверждение Л. Триллинга о том, что «практически невозможно не обнаружить в «Сохрабе и Рустаме» хотя бы едва различимого личностного начала» [8, р. 134], не представляется бесспорным, если речь идет о предполагаемой близости автора старшему из героев. Как известно, найдя свой век «непоэтическим» [9, р. 99], Арнольд отказался от поэзии, став одним из самых значительных публицистов и литературных критиков эпохи. По словам Л. Триллинга, убийство Рустамом Сохраба можно истолковать как сделанный поэтом выбор между «страстной жадной жизни и юности и стремлением к зрелости», ради которой он «был готов принести в жертву поэтический талант» [8, р. 135]. Но если с Эмпедоклом, страдающим от «перегруженности мозга» (“congestion of the brain”), Арнольд, по его призна-

нию, отождествлял себя самого [9, p. 99], то в восточной поэме персонажи проявляют себя, прежде всего, в действии, и поэт с больше симпатией относится к юному герою. В «Сохрабе и Рустаме» обнаруживается в большей мере контекст эпохи, чем личностный.

Поэма начинается с рассказа о Сохрабе, все помыслы которого устремлены к встрече с отцом. На рассвете он идет за советом в палатку мудреца Перана-Уайзы, сообщая ему о своем желании проявить себя доблестным воином, чтобы о его подвигах прослышал отец, перед которым он хочет предстать «не лишенным достоинства и славы» (“not unworthy, not inglorious son”) [2, p. 199]. Сохраб намерен предложить двум армиям однодневный отдых. В этот день он собирается вступить в поединок с одним из самых бесстрашных персидских воинов. Если он победит, Рустам узнает об этом, если будет убит – «мертвые не нуждаются ни в ком, не претендуют на родство» (“the dead need no one, claim no kin”) [2, p. 199]). В общем сражении многие имена остаются в забвении, и лишь единоборство обеспечит громкую славу герою. Перан-Уайза советует Сохрабу искать отца не в бою, но встретиться с ним в мирное время, не будучи раненым, однако ему не удается убедить юношу отказаться от задуманного.

Персы напуганы вызовом Сохраба: в их войске нет борца, способного противостоять столь могучему воину, кроме Рустама, который после ссоры с шахом удалился домой в Систан, где он пребывает с Залем. Посланный к Рустаму Гударз прилагает усилия, чтобы уговорить его ответить на вызов Сохраба. По описанию Гударза, у Сохраба «ноги дикого оленя и сердце льва» (“he has the wild stag’s foot, the lion’s heart”, [2, p. 203]), персидские полководцы стары. Если Рустам откажет в помощи, они проиграют сражение. Рустам упрямится, заявляя,

что он тоже стар и предпочтет заботиться об отце, а не выручать неблагодарных царей. Но слова Гударза о том, что о Рустаме пойдет молва, будто он захотел сохранить свою славу, не подвергая себя опасности в сражении с юным борцом, задевают самолюбие Рустама, и он соглашается на поединок, на который намерен прийти неизвестным, чтобы противник не знал, с кем ему предстоит сразиться.

В письме к А. Клафу Арнольд жаловался на трудности с построением поэмы. Поэту хотелось максимально приблизить произведение к восточному оригиналу, но в отношении композиции, как ему казалось, «нескладная и неупорядоченная северная натура» (“the awkward and incorrect Northern nature”) [9, p. 126] «не может не проявить себя». «Но мы обладаем, – добавлял он, – не меньшей долей чувства, огня, красноречия, чем те, кто лучше нас» [9, p. 126]. Между тем, композиция «Сохраба и Рустама» представляется удачной. Поэма отчетливо распадается на три части. В первых двух представлены оба героя, причем, соблюден принцип симметрии в расположении персонажей. Сохраб раскрывается в беседе с Пераном-Уайзой, Рустам – с Гударзом, у обоих героев выделяются доминирующие черты: у Сохраба «беспокойное сердце» (“an unquiet heart” [2, p. 199]), по определению Перана-Уайзы, у Рустама – гордость и вспыльчивость. Оба героя прославлены как воины, не имеющие себе равных, с той разницей, что Сохраб – юноша, только вступающий в жизнь, а Рустам умудрен опытом и уже чувствует приближение старости. Оба они возвышаются над своим окружением, отличаются мужеством и силой воли, воплощая представление о «старшем над людьми» герое Карлейля [3, p. 178].

Поэту была близка мысль Карлейля и многих его современников об одиночестве человека в обще-

стве, где господствуют «полнейшее разделение, изоляция» [10, р. 198]. «Люди не могут жить в одиночестве, писал Карлейль, – мы связаны вместе к общему благу или несчастью подобно живым нервам в одном теле» [10, р. 382]. По словам У. Хутона, изоляция обнаруживалась «как в духовной, так и в социальной сферах», в религии и предпринимательской деятельности, викторианцы ощущали отчужденность «от семьи и друзей в силу мировоззренческих разногласий, из-за недоверия отъединены от партий и кругов, к которым могли бы присоединиться в иных условиях» [11, р. 81]. Восприимчивый к интеллектуальным веяниям, к общим настроениям эпохи, Арнольд откликнулся на одну из самых тревожных ее проблем. В его стихотворении «К Маргарите» (1852) люди уподоблены островам в неподвижном соленом море жизни, миллионы смертных существуют в одиночестве: “We mortal millions live *alone*” [2, р. 135] (курсив Арнольда. – Н. С.). В «Сохрабе и Рустаме» эта мысль получает более трагическое воплощение.

Самой значительной является третья часть поэмы, посвященная поединку отца и сына. При виде Сохраба, который кажется ему таким хрупким, еще не возмужавшим (“so slender, so softly reared”) [2, р. 205], что вызывает его сострадание, Рустам предлагает противнику не искать смерти, перейти на сторону Ирана, заменить ему сына, в Иране нет юношей, равных Сохрабу по храбрости: “There are no youths in Iran brave as thou” [2, р. 206]. Могучее телосложение, голос Рустама внушают Сохрабу подозрение, что перед ним отец. Он бросается к Рустаму, обнимает его колени, сжимает его руку, умоляет его назвать себя, но его порыв вызывает в Рустаме недоверие. Он начинает видеть в Сохрабе лишь молодого лиса, лживого, хитрого, хвастливого, “false, wily, boastful” [2, р.

206], как все татарские юноши. Ему кажется, что, если он откроет свое имя, Сохраб найдет предлог уклониться от поединка и позже будет хвалиться, что все персы побоялись сражаться с ним, что вызов принял лишь Рустам, с которым они разошлись, обменявшись подарками. С сарказмом отец предлагает Сохрабу сдаться, заявляя, что один вид Рустама обращает в бегство, а сам он является лишь воином, принявшим вызов. Уязвленный Сохраб предлагает начать бой. В момент поединка Рустам, слишком сильно размахнувшись булавой, падает на песок, но Сохраб не обнажает меч, чтобы воспользоваться случаем. В нем говорит интуиция, голос крови. Он просит противника назвать себя, ему надо знать, кто он, еще никогда его сердце не было так растрогано. В этом он видит знак Небес, призывая подчиниться высшей воле, закончить сражение примирением. Но его слова вызывают в Рустаме лишь ярость, в гневе он обзывает Сохраба девушкой, проворной в бегстве, а не в рукопашном бое, принуждая сына к битве. И поединок, за которым наблюдают две армии, продолжается. В минуту опасности отец издает боевой клич – его собственное имя «Рустам!», изумленный Сохраб роняет щит, и в этот момент отец наносит ему смертельный удар копьем. Рустам у Арнольда оказывается сродни герою восточного источника. В представлении Фирдоуси, по замечанию А. М. Атоева, «природа человека слаба. Она подвержена гордыне, зависти, стремлению к власти и т. д.» [6, с. 35]. Эта слабость человеческой природы обнаруживается и в поэме Арнольда: гордыня и запальчивость Рустама становятся причиной трагедии. Другой причиной, как и у Фирдоуси, оказывается сокрытие правды матерью Сохраба, солгавшей мужу, что у нее родилась дочь, и Рустамом, скрывшим от Сохраба свое имя.

Противоестественное столкновение вызывает возмущение самой природы (мотив, отсутствующий у Фирдоуси). Туча внезапно заслоняет солнце, ветер со стоном пронесется по пустыне, и противники оказываются в вихре песка, молнии пронизывают тучи, Рахш издает ужасающий крик. В момент смерти Сохраба из глаз коня катятся крупные слезы, обжигаящие песок.

Умирая, Сохраб признается противнику, что он сын Рустама, которого он искал повсюду и который отомстит за его смерть. Но отец не верит ему, холодно и недоверчиво заявляя, что Сохраб говорит чепуху, "prate" [2, p. 212], у Рустама никогда не было сына. Сохраб настаивает на своем, и приведенные им детали заставляют Рустама задуматься, вызывают его грусть, он вспоминает свою молодость, встречу с царевной, слезы подступают к его глазам, но он все еще сомневается, что Сохраб – его сын, поскольку ему сообщили когда-то о рождении дочери. Он предполагает, что Сохраб назвался его сыном из хвастовства или юноше внушили это, чтобы увеличить его славу. Недоверие отца вызывает гнев Сохраба, и тогда он показывает отцу знак на плече, нанесенный его матерью, чтобы Рустам при встрече узнал сына. Потрясенный Рустам лишается чувств.

Эпизод узнавания у Арнольда оказывается более пространственным по сравнению с поэмой Фирдоуси, в которой Рустам сразу после признания Сохраба просит сына показать отличительный знак, и в качестве дополнительного подтверждения сын достает подаренный отцом драгоценный лал. Подозрительность, очерствелость души Рустама утрированы у Арнольда, именно они препятствуют сближению отца и сына.

У Фирдоуси Рустам после смерти сына пытается покончить с собой, чему препятствуют персидские воины, в восточном источнике рассказывает-

ся об отказе шаха дать Рустаму живой эликсир, описан плач Рустама над телом Сохраба, горе Тахмины, через год умирающей от тоски. Арнольд опускает эти детали, но ему оказывается близок мотив судьбы, о которой не раз упоминается у Фирдоуси. Сохраб уверен, что ему суждено было погибнуть от руки отца:

Что же, небосвод решил судьбу мою,
Что буду я убит отцом в бою! [5, с. 225]

По словам Р. К. Маллаева, Фирдоуси «иногда верит в рок, в могущество судьбы, а иногда он считает, что человек свободен в своем выборе и сам выбирает свой путь» [12, с. 17]. Идея предначертанности пути, роли Провидения в жизни человека, наделенного при этом свободой воли, занимала и Арнольда, не раз писавшего о «неведомых Силах», "some unknown Powers" [2, p. 136], по воле которых человечество плывет в ночи по морю жизни («Человеческая жизнь» ("Human Life"), «Самообман» ("Self-Deception"), «Судьба», ("Destiny")). Трагический финал встречи героев предсказан уже в начале поэмы. Перан-Уайза говорит, будто сердцем предчувствует, что Сохраба ожидает опасность или смерть в этом сражении: "Yet my heart forebodes/Danger or death awaits thee on this field" [2, p. 200]. Но он не в силах остановить героя, который действует по свободной воле. Перед смертью Сохраб говорит отцу, что его судьба была предначертана свыше и Рустам стал лишь бессознательным исполнителем воли Небес:

Father, forbear: for I but meet today
The doom that at my birth was written down
In Heaven, and thou art Heaven's unconscious
hand [2, p. 215].

Сама судьба устроила этот поединок и бросила его на копье отца: "Fate, Fate engag'd / The strife, and hurl'd me on my father's spear" [2, p. 215].

Между тем, гибель героя происходит не столько по воле рока, сколько из-за отсутствия духовного единства, доверия во взаимоотношениях между даже самыми близкими по крови людьми, “всеобщей враждебности и изоляции”, и таким образом старинный восточный сюжет оказывается актуальным для викторианской эпохи.

Поэма Арнольда завершается трогательной сценой прощания сына с отцом. Сохраб завидует Рахшу, который вернется домой с Рустамом, увидит пески Систана, реку Гильменд и озеро Зиру, старика Заля. Он просит не отдавать его тело татарам, похоронить в Систане, насыпать над прахом внушительный курган, чтобы проезжавшие мимо всадники могли видеть его могилу издали и вспоминали, как он был убит по неведению его великим отцом, и тогда он не будет забыт после смерти. Как эпический герой Сохраб заботится о своей посмертной славе. Сохраб убеждает Рустама прекратить войну, позволить татарам мирно вернуться домой. Гибель Сохраба способствует духовному преображению Рустама и кладет конец всеобщему кровопролитию. Враждующие армии, бывшие свидетелями поединка, расходятся по своим лагерям, оставив наедине сына с отцом.

Арнольд мастерски воссоздает местный колорит, упоминая о воинских палатках, деталях вооружения, характере пейзажа, приводя множество географических названий. По его признанию, он даже пытался «ориентализировать сравнения» [1, р. 36]. Таких сравнений в поэме немало: гигантская

фигура Рустама уподоблена одинокой башне, которую хозяин воздвиг среди пустоши для защиты от воров [2, р. 206]. На душу Рустама, встревоженного словами Сохраба, накатывает горе, подобно тому, как прилив сверкающего бурного океана подкатывает к берегу [2, р. 213]. Смертельно раненый Сохраб лежит на песке, подобно цветку гиацинта, скошенному рукой неопытного садовника [2, р. 213]. Некоторые сравнения занимают значительное количество строк, из-за чего современники поэта уподобляли его не столько Фирдоуси, сколько Гомеру.

Главным природным образом поэмы становится величественная река Оксус. Упоминание о реке встречается уже в первых строках. Оксус сопровождает героев на протяжении всей поэмы. После ухода обеих армий безутешный Рустам остается с телом Сохраба, но величественная река продолжает свое течение, постепенно замедляя ход, пока, наконец, не достигает «сверкающего водяного дома» [2, р. 219], впадая в Аральское море. Река символизирует и бесстрастную силу природы, и непрекращающееся течение жизни, которого не сможет остановить ни один драматический эпизод.

При красочном восточном колорите, попытках воссоздания стиля восточной поэзии произведение Арнольда вписывается в контекст викторианской эпохи с ее поисками идеального героя, стремлением к преодолению разъединенности людей, одиночества человека в мироздании, что достигается в поэме трагически, путем пролития собственной крови.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arnold M.* Letters of Matthew Arnold / Collected and Edited by George W. E. Russell: in 2 vol. London and New York: Macmillan and Co, 1895. Vol.1. 402 p.
2. *Arnold M.* The Works. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. 460 p.
3. *Carlyle T.* Lectures on Heroes, Hero – Worship and the Heroic in History. Oxford: Clarendon Press, 1925. 256 p.

- Matthew Arnold. *The Critical Heritage. The Poetry* / Edited by Carl Dawson. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. 466 p.
- Фирдоуси А. Шах-наме. М.: Художественная литература, 1972. 798 с.
- Атоев А. М. Природа человека в «Шахнамэ» Абулкасима Фирдоуси // Вестн. Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2015. № 3 (64). С. 34–41.
- Culler A. D. *Imaginative Reason. The Poetry of Matthew Arnold*. New Haven: Yale University Press, 1966. 303 p.
- Trilling L. *Matthew Arnold*. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 493 p.
- Arnold M. *The Letters of Matthew Arnold to Arthur Hugh Clough* / Edited With an Introductory Study by Howard Foster Lowry. N.Y.: Russell and Russell, 1968. 192 p.
- Carlyle T. *Past and Present*. L.: Chapman and Hall, 1845. 399 p.
- Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London: Yale University Press, 1985. 467 p.
- Маллаев Р. К. Философско-эстетическая концепция Фирдавси в «Шахнаме»: автореф. дис. канд. филос. наук. Худжанд, 2009. 25 с.

REFERENCES

- Arnold M. *Letters of Matthew Arnold*. Collected and Edited by George W. E. Russell: In 2 vol. London and New York: Macmillan and Co, 1895. Vol.1. 402 p.
- Arnold M. *The Works*. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. 460 p.
- Carlyle T. *Lectures on Heroes, Hero – Worship and the Heroic in History*. Oxford: Clarendon Press, 1925. 256 p.
- Matthew Arnold. *The Critical Heritage. The Poetry*. Edited by Carl Dawson. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. 466 p.
- Firdousi A. *Shakh-name*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1972. 798 p.
- Atoev A. M. Priroda cheloveka v “Shakhname” Abulkasima Firdousi. *Vestn Tadzhijskogo gos. un-ta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*. 2015, No. 3 (64), pp. 34–41.
- Culler A. D. *Imaginative Reason. The Poetry of Matthew Arnold*. New Haven: Yale University Press, 1966. 303 p.
- Trilling L. *Matthew Arnold*. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 493 p.
- Arnold M. *The Letters of Matthew Arnold to Arthur Hugh Clough*. Edited With an Introductory Study by Howard Foster Lowry. N. Y.: Russell and Russell, 1968. 192 p.
- Carlyle T. *Past and Present*. London: Chapman and Hall, 1845. 399 p.
- Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London: Yale University Press, 1985. 467 p.
- Mallaev R. K. Filososfsko-esteticheskaya kontseptsiya Firdavsi v “Shakhname. *Extended abstract of PhD dissertation (Philosophy)*. Khujand, 2009. 25 p.

Соколова Наталья Игоревна, доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: sokol.n@list.ru

Sokolova Natalia I., ScD in Philology, Professor, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: sokol.n@list.ru

Статья поступила в редакцию 05.01.2023

The article was received on 05.01.2023